

Глава 6. Отличия и изменчивость

“ Историю пишут учёные мужи, поэтому для них естественно и сообразно думать, что действия их класса — основа для движения всего человечества.

Лев Толстой. Война и мир

Фрагмент 27. Доброта и сострадание в розницу

Героизм жителей французского городка Шамбон-сюр-Линьон в департаменте Верхняя Луара, приютивших, кормивших и прятавших более пяти тысяч попавших во Францию времен Виши беженцев, среди которых было немало еврейских детей, ныне вписан в анналы сопротивления нацизму. В книгах и фильмах прославлены множество неприметных и храбрых поступков, благодаря которым эти люди были спасены.

Здесь мне хотелось бы подчеркнуть уникальность каждого из этих подвигов: несмотря на то, что это как будто не вписывается в привычную канву рассказа о религиозном сопротивлении антисемитизму, разговор об особенностях каждого отдельно взятого поступка может помочь нам лучше понять, почему люди проявляют милосердие и сострадание.

Многие жители Шамбон-сюр-Линьон были гугенотами, а два пастора, которые служили в этой деревне, были, пожалуй, самыми влиятельными и уважаемыми людьми в округе, и потому воспоминания о религиозном преследовании и бегстве были частью их коллективной памяти начиная чуть ли не с Варфоломеевской ночи. Задолго до гитлеровской оккупации они проявили сострадание по отношению к жертвам фашизма тем, что давали приют беженцам из Испании Франко и Италии Муссолини. То есть и убеждениями, и жизненным опытом они были предрасположены к состраданию беженцам из авторитарных государств, в том числе и евреям как библейскому народу.

Однако перевести это сострадание в практическую и гораздо более опасную, особенно при режиме Виши, плоскость было не так просто. В ожидании прибытия евреев пасторы-гугеноты стали мобилизовать прихожан на предоставление тайных укрытий и запасание

пищи, которая, как они знали, вскоре понадобится. После уничтожения свободной зоны на юге Франции обоих пасторов арестовали и отправили в концлагерь. В этих ужасающих обстоятельствах жены пасторов взяли на себя работу своих мужей и продолжали готовить продукты и убежища для евреев. Они спрашивали соседей, и фермеров, и сельчан, смогут ли те помочь в урочный час. Часто ответ был отрицательным: обычно те выражали сочувствие беженцам, но не желали брать на себя риск, укрывая их и обеспечивая их пищей. Они оправдывали себя тем, что им нужно было защищать собственные семьи, а если они начнут укрывать евреев, на них могут донести в гестапо, и тогда им и их семьям не поздоровится. Конкретные обязательства перед семьями перевешивали более абстрактное сострадание к евреям, и жены пасторов отчаялись организовать группу поддержки беженцев.

Тем временем, не зная о том, готовы французы или нет, появились еврейские беженцы, которые просили помощи. То, что случилось потом, очень важно для понимания уникальности каждого социального (в данном случае гуманитарного) действия. Теперь у жен пасторов были реально существующие евреи, и они сделали еще одну попытку. К примеру, они приводили пожилого, худого, дрожащего от холода еврея к дверям дома фермера, который ранее отказывался помогать, и спрашивали: «Может быть, вы покормите нашего друга и дадите ему тёплую одежду, а потом покажете ему дорогу в другую деревню?» Теперь перед фермером стоял живой человек, который смотрел ему прямо в глаза умоляющим взглядом, и отказать ему было труднее. Или, например, жёны пасторов приходили к двери небольшого домика с маленькой еврейской семьёй и спрашивали: «Не снабдите ли вы эту семью одеялом и миской супа, и не позволите ли вы им переночевать у вас в сарае одну-две ночи, а потом они отправятся в сторону швейцарской границы?» Лицом к лицу с реальными жертвами, судьба которых ощутимо зависела от их помощи, мало кто отказывался помочь, хотя это и не перестало быть рискованным предприятием.

После того, как жители деревни единожды помогли евреям, они, как правило, помогали беженцам и впоследствии. Иными словами, они смогли извлечь из этого практического проявления солидарности, из своих реальных действий урок о том, что это правильно с этической точки зрения. Они не провозглашали принцип, чтобы затем ему следовать — вместо этого они действовали, и лишь потом находили в этих действиях логику. Теорию породила практика, а не наоборот.

Франсуа Роша противопоставляет эту модель поведения тому, что Ханна Арендт назвала «банальностью зла», и утверждает «банальность доброты» [41]. Мы не очень ошибёмся, если назовём это уникальностью доброты или, пользуясь словами Торы, примером того, как сердце следует за рукой.

Частные примеры идентификации и сострадания — рабочая гипотеза для журналистики, поэзии и благотворительной деятельности. Люди с трудом открываются, либо открывают сердца или кошельки во имя чего-то абстрактно-грандиозного — вроде безработных, голодающих, беженцев или евреев. Но если вы покажете им во всех подробностях, с фотографиями, женщину, которая потеряла работу и живет в машине, или семью беженцев, которые вынуждены пробираться сквозь лес, питаясь корнями и корой, то вам, вероятно, удастся вызвать сочувствие даже у незнакомых людей. Множество жертв едва ли

воплощает в себе одну жертву, но одна жертва часто является олицетворением целого класса.

Этому принципу следовал самый трогательный мемориал памяти жертв Холокоста, какой мне когда-либо приходилось видеть: выставка в большой ратуше Мюнстера, где был подписан Вестфальский договор в 1648 году, ознаменовавший собой окончание Тридцатилетней войны. Судьба каждой еврейской семьи, которых было около шести тысяч, отражалась улица за улицей, дом за домом, имя за именем. Обычно рассказ о каждой семье сопровождался фотографией дома, в котором они жили (большинство этих домов до сих пор существуют, так как Мюнстер практически не подвергался бомбардировкам союзников), указанием адреса, иногда идентификационной карточкой или паспортом, фотографиями членов семьи по отдельности и вместе — на пикнике, на праздновании дня рождения или просто общего фото — и заметкой об их дальнейшей судьбе: «погибли в лагере Берген-Бельзен», «бежали во Францию, затем на Кубу», «переехали в Израиль из Марокко», «бежали в Лодзь, Польша, дальнейшая судьба неизвестна». Довольно часто фотографии вообще не было — только прямоугольник, указывающий на место, где она должна была быть.

Выставка эта предназначалась в первую очередь для жителей Мюнстера. Они двигались от улицы к улице и видели евреев, их собственных соседей или соседей их родителей, бабушек и дедушек — их дома, их лица, часто запечатлённые в счастливые моменты жизни. Уникальность, индивидуальность и повторяемость сделали выставку запоминающейся в буквальном смысле этого слова [42]. Насколько же больше она трогала сердца людей, чем навязшие в зубах коллективные мемориалы погибшим евреям, гомосексуалам («Здесь собирали гомосексуалов, чтобы отправить их в концентрационный лагерь»), инвалидам и цыганам (рома и синти)! [43]

Но самым удивительным в этой выставке было то, как она была создана. Сотни жителей Мюнстера трудились более десяти лет, прочесывая архивные записи, проверяя сообщения о смерти, находя выживших и вступая в переписку с теми тысячами людей, которых они смогли разыскать, объясняя им, какую выставку они готовят, и спрашивая, помогут ли корреспонденты с составлением экспозиции своими фотографиями или сведениями. Разумеется, многие отказались; некоторые все-таки что-то прислали, и всё же немалое число тех, кому были написаны письма, сами приехали в Мюнстер. Результат этой работы говорил сам за себя, но изучение историй семей, поиск выживших и их потомков, сам процесс написания личных писем соседям, отмеченным желтой звездой, через пустоту истории и самой смерти был очищающим и просветляющим признанием трагического общего прошлого. Многие из тех, кто готовил выставку, во время холокоста ещё даже не родились, и можно себе лишь представить эти печальные воспоминаний и тысячи грустных бесед, которые вели меж собой разные поколения Мюнстера.

Фрагмент 28. Возвращаясь к уникальности, изменчивости и

случайности

Задача истории и социологии по большей части состоит в том, чтобы подытожить, кодифицировать и «упаковать» заслуживающие внимания общественные деяния и основные исторические события таким образом, чтобы сделать их понятными и доступными. С учетом этого, а также ввиду того, что события, которые они стремятся объяснить, уже произошли, едва ли удивительно, что историков и социологов обычно мало интересует замешательство, изменчивость и беспокойная случайность, которым подвластны исторические деятели, не говоря уже о простых людях, действия которых они изучают.

Эти рассказы производят обманчивое впечатление ясности еще и потому, что они принадлежат истории. События, о которых идет речь, просто случились, причем именно так, а не иначе, и из-за этого порой бывает трудно осознать, что участники этих событий вряд ли могли предвидеть, как все обернется и что при немного иных обстоятельствах все могло кончиться совсем по-другому. Как говорится, «не было гвоздя — подкова пропала, не было подковы — лошадь захромала, лошадь захромала — командир убит, конница разбита — армия бежит, враг вступает в город, пленных не щадя, оттого что в кузнице не было гвоздя».

То, что мы, в отличие от непосредственных участников событий, знаем, что произошло на самом деле, неизбежно повлияет на наш рассказ о событиях и уберёт из него большую часть того, что можно назвать случайным. На мгновение представим человека, покончившего с собой. Друзья и родственники самоубийцы почти неизбежно будут рассказывать о несчастном так, чтобы объяснить его суицид. Вполне вероятно, что причиной самоубийства был кратковременный гормональный дисбаланс, сиюминутная паника или внезапное трагическое известие: в таком случае переписывать всю биографию человека, чтобы объяснить суицид означает неверно её понять.

Естественное желание создать связное повествование о собственной жизни и поступках, даже если это невозможно, постфактум упорядочивает то, что на самом деле происходило совершенно случайно. Жан-Поль Сартр приводит выдуманный пример: человек вынужден выбирать между тем, чтобы оставаться дома и заботиться о больной матери или идти на фронт защищать свою страну (вместо этого можно подставить любой другой выбор — бастовать или оставаться на работе, идти демонстрацию или не идти, и пр.). Он никак не может выбрать, но день, в который он должен принять решение, приближается с неумолимостью поезда, и вот ему надо сделать что-то одно, хотя он до сих пор не решил, что именно. Допустим, он остался ухаживать за больной матерью. На следующий же день, пишет Сартр, он будет в состоянии объяснить себе и другим, почему он из тех, кто выбирает остаться с больной матерью. Поступив так, а не иначе, он должен будет найти объяснение своим поступкам. Однако это объяснение ложное — это попытка найти смысл и создать удовлетворительное объяснение поступку, который невозможно объяснить по-другому.

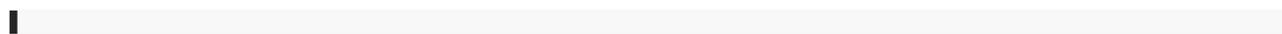
То же самое можно сказать и о грандиозных случайностях, определивших ход истории. В исторических книгах, как и в общественном восприятии, их непреднамеренное наступление не только отрицается — историческим деятелям подспудно приписываются намерения и

сознание, которого они иметь не могли. Французская революция, естественно, превратила почти всю историю Франции XVIII века в прелюдию 1789 года. Революция была не одномоментным событием, но процессом, в гораздо большей степени зависящим от погоды, неурожаев, географии и демографии Парижа и Версаля, чем от идей, придуманных философами. Те, кто штурмовал Бастилию, чтобы освободить заключённых и захватить оружие, вряд ли знали, к чему это в итоге приведёт, и едва ли намеревались свергнуть монархию и аристократию. И уж тем более они не знали, что они участвовали в том, что впоследствии назовут Великой Французской революцией.

После того, как важное историческое событие случилось и было зафиксировано, оно начинает свою жизнь в качестве символа и, если люди недостаточно осторожны, они начинают приписывать ему логику и упорядоченность, которые вопиюще противоречат тому, что на самом деле чувствовали участники этого события. Представляется, что жители Шамбон-сюр-Линьона, которых сейчас считают примером, поступали более или менее сообразно религиозным принципам гугенотов, в то время как при ближайшем рассмотрении мы увидели, что их храбрость имела более сложные и поучительные истоки. То же относится и к русской революции, и к американской революции, и к Тридцатилетней войне — кто на пятом её году знал, что она продлится ещё двадцать пять лет? Парижская коммуна 1871 года, движение за гражданские права в США, события 1968 года в том же Париже, история движения «Солидарность» в Польше и прочие исторические события, которые сложны для объяснения, имеют те же признаки. О случайности, лежащей в их основе, обычно умалчивается; сознание участников событий представляется упрощенно, и зачастую дело представляют так, как будто бы они заранее знают, что получится в итоге, и водоворот попыток понять происходящее и его предпосылки выглядит тихой заводью.

То, как мы воспринимаем события при чтении учебников истории, можно сравнить с тем, какими нам видятся по телевизору баскетбольные или хоккейные матчи. Камера подобно вертолёту, зависшему над полем показывает происходящее на площадке сверху. В результате такого взгляда с высоты птичьего полета зритель отдаляется от игры и ощущает её медленнее, чем она на самом деле происходит. А чтобы зритель не пропустил ни одного интересного момента, используется замедленная съёмка, чтобы повторять его снова и снова. Взгляд с высоты птичьего полета и замедление в совокупности создают обманчивое впечатление простоты движений, которыми якобы легко могут овладеть все желающие зрители. Увы, ни один игрок никогда не следит за игрой с вертолета или в замедленном режиме. И только когда изредка включается камера, снимающая игру с близкого расстояния на уровне пола и в реальном режиме, можно по-настоящему оценить сумасшедшую скорость и сложность игры, какой её и видят игроки, и все фантазии о лёгкости овладения подобным мастерством моментально улечиваются.

Фрагмент 29. Политика исторических искажений

Ошибкой в военном деле будет спутать парад со сражением, в котором решается вопрос жизни и смерти.

Лев Толстой

Тенденция подчищать, упрощать и спрессовывать исторические события в удобную форму — это не только естественная склонность людей или необходимость, вызванная нехваткой места на страницах учебников. Это еще и часть политической борьбы, ставки в которой высоки.

Революция 1917 года в России, как и Великая Французская революция, была процессом, огромное множество участников которого не знали, чем всё обернется в итоге. Те, кто подробно изучил этот процесс, кое в чем между собой согласны — например, в том, что большевики очень мало сделали для того, чтобы революция началась. Как выразилась Ханна Арендт, «...большевики увидели, что власть лежит на дороге, и подняли её» [44]. События конца октября 1917 года характеризовались запутанностью и спонтанностью. Не ломают историки копий и по поводу того, что падение царской власти обусловили коллапс царской армии на австрийском фронте и последовавшее за этим массовое дезертирство солдат, спешивших поучаствовать в стихийных захватах земли. Они единодушны и в том, что рабочий класс Москвы и Санкт-Петербурга, даже не будучи удовлетворен условиями жизни и настроенный воинственно, всё же не планировал взять в свои руки заводы и фабрики. Наконец, почти никто из историков не спорит с тем, что накануне революции большевики почти не оказывали влияния на рабочие массы и совершенно не пользовались авторитетом у крестьян.

Однако после того, как большевики пришли к власти, они начали писать историю так, как будто не было никакой случайности, замешательства, спонтанности, не упоминая в своей версии событий множество других революционных групп. В «их» истории подчёркивалось предвидение, целеустремлённость и мощь партии авангарда. В соответствии с ленинскими идеями, изложенными в брошюре под названием «Что делать?», в качестве основных двигателей исторического процесса большевики рассматривали себя [45]. Учитывая, что их власть в 1917–1921 годах была очень непрочной, большевики были очень заинтересованы в том, чтобы убрать революцию с улиц в музей и школьные учебники как можно быстрее, чтобы люди не вздумали повторить её ещё раз. В общем, они сделали всё, чтобы представить революционный процесс естественным следствием исторической необходимости, легитимизируя тем самым «диктатуру пролетариата».

«Официальная» версия истории революции была разработана едва ли не до того, как завершились её реальные события. Ленин представлял себе государство (и революцию) как хорошо смазанную машину, с военной точностью управляемую сверху, поэтому и последующие «воспоминания» о революции следовали этому образцу. Луначарский, культурный импресарио первых лет большевистской власти, придумал для огромного театра постановку, в которой четыре тысячи актеров, по большей части солдат, показывали 35 тысячам зрителей события революции, в соответствии со сценарием используя пушки, речные суда и имитацию с помощью прожекторов восходящего с востока солнца.

Большевики были крайне заинтересованы в том, чтобы театральное искусство, литература, кинематограф и историография говорили о революции как о чём-то, лишенном случайности, разнообразия и различия целей, характерных для настоящей революции. После того, как умерло поколение, пережившее революцию и знавшее о ней не понаслышке, сопоставить свой личный опыт с официальной версией и найти нестыковки никто уже не мог, а значит, возобладала официальная версия.

Таким образом, революции и общественные движения обычно задействуют множество персонажей, каждый из которых преследует собственные цели, радикально отличающиеся от целей прочих участников и смешанные с большим количеством ярости и ненависти; персонажей, мало понимающих, как обстоят дела за пределами их непосредственного окружения; персонажей, подверженных влиянию случайностей вроде проливного дождя, слухов или ранений. И вместе с тем результирующий вектор этой какофонии событий даёт питательную среду для того, что позже назовут революцией. Революции редко или вообще никогда не бывают делом рук сплоченных организаций, направляющих, как предполагал ленинский сценарий, свои «воинства» к определённой цели.

Обязательным элементом сценарной продукции авторитаризма является изображение порядка и дисциплины. Несмотря на голод в сельской местности, недостаток пищи в городах и массовое бегство населения в Китай, Ким Чен Ир умудрялся организовать грандиозные парады, в которых участвовали десятки тысяч человек, что должно было означать единство народа, движущегося в унисон туда, куда указывает жезл «Дорогого Руководителя» (рис. б.1). Такая форма театрального бахвальства сложилась очень давно. Её можно обнаружить в «массовках», которые в начале XX века для демонстрации собственной силы и слаженности на больших стадионах организовывали и социалистические, и правые партии. Отлично и точно скоординированные движения тысяч одинаково одетых гимнастов создавали ощущение синхронной силы и, конечно же, ее управления всевластным, но невидимым дирижером.

Великолепие символического порядка наглядно проявляется не только в публичных церемониях вроде коронаций или первомайских демонстраций, но и в самой архитектуре общественных пространств — площадей и проспектов, скульптур и арок. Сами здания порой спроектированы так, чтобы ошеломлять население размерами и потрясать великолепием. Зачастую они похожи на шаманские камлания и выступают в качестве противовеса реальности, которую можно назвать какой угодно, только не упорядоченной. Примером такой архитектуры является Дворец Парламента в Бухаресте, который в 1989 году — в год падения режима Чаушеску — был завершён на 85%.

Своими круговыми балконами и помостом для Чаушеску в центре зала, который поднимался с помощью гидравлического привода, «Законодательное собрание» напоминало оперный театр. Шестьсот часов, находившихся в здании, управлялись централизованно с помощью консоли, расположенной в кабинете президента.

Большая часть усилий официальной власти в сфере символов направлена именно на то, чтобы окружить путаницу, беспорядок, спонтанность, ошибки и импровизации, которые на самом деле составляют сущность любой политической власти, идеально гладкой, как

бильярдный шар, поверхностью порядка, рассудительности, разумности и контроля. Я представляю это себе как «миниатюризацию порядка». Мы все знакомы с этим по миру игрушек. Огромный мир войн, семейной жизни, машин и дикой природы — это опасность, которую ребенок не может контролировать. Однако он может сделать этот мир безопасным, сделав его маленьким: так появляются игрушечные солдатики, кукольные домики, миниатюрные танки и самолёты, модели железных дорог и маленькие садики. Примерно такой же логикой руководствуются создатели образцовых деревень, демонстрационных проектов, образцовых домов и колхозов. Проводить эксперименты в малом масштабе, при которых последствия неудач будут менее катастрофичны — без сомнения, грамотная стратегия социальных инноваций. Однако я подозреваю, что чаще такие демонстрационные проекты создаются именно напоказ, заменяя собой более существенные и масштабные изменения, и что они являют собой бережно хранимый микропорядок, спроектированный в большой степени ради того, чтобы зачаровывать и правителей (самогипноз?), и широкую общественность потемкинским фасадом централизованного порядка. Чем сильнее распространены эти маленькие «островки порядка», тем больше оснований подозревать, что они были возведены, чтобы спрятать от посторонних глаз неофициальный социальный порядок, неподконтрольный элитам.

Сжатость исторического повествования и наше стремление очистить его от деталей, выпадающих из общей канвы, а также потребность власти создать ощущение, будто у неё всё под контролем и у всего есть своя цель, приводят к появлению у нас ложного впечатления о причинно-следственных связях в истории. Такое восприятие мешает нам видеть, что большинство революций — не результат деятельности революционных партий, а итог спонтанных действий и импровизации (говоря марксистским языком, «авантюризма»), что организованные социальные движения — это не причина, а результат нескоординированных демонстраций протеста, и что грандиозные достижения в сфере прав и свобод человека происходят не благодаря упорядоченным, институциональным процедурам, а в результате беспорядочных, непредсказуемых и спонтанных действий, исподволь разрушающих прежний социальный порядок.

Версия #1

Зверобой создал 9 июня 2025 18:07:36

Зверобой обновил 9 июня 2025 18:09:22